

РУССКАЯ КАРТИНА МИРА СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ТРЕБОВАНИЕ ВРЕМЕНИ ИЛИ «КУЛЬТУРНЫЙ КАПРИЗ»?

(Юзефович Н.Г. *Интерлингвокультурная картина мира в английском языке вторичной культурной ориентации (на материале описания российской действительности)*: монография. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2013. 266 с.)

По-видимому, настало время, когда описывать реалии российской жизни на том несуществующем, искусственном иностранном языке, какому когда-то обучали в советской школе, уже нельзя: Российская Федерация сегодня прочно интегрирована в общемировое культурное, экономическое, политическое пространство. Следовательно, игнорировать значение в своей дальнейшей судьбе европейских языков (среди которых особое место занимает и русский), их иерархию, функции, статус – она больше не может и не должна.

Как решительно и верно указывает во введении к своей новой книге Наталья Григорьевна Юзефович, «глобализм и билингвизм стали ключевыми словами современной эпохи; именно в условиях глобализма и билингвизма формируется посредник мирового межкультурного коммуникативного пространства, абсолютно новое явление в истории человечества – глобальный английский язык, который актуализируется, главным образом, в двух направлениях: культурная нейтрализация и этническая идентификация» (с. 5). В этом объективно существующем положении допустимо усматривать целый ряд «скрытых пороков», якобы представляющих собой опасность или даже угрозу для человечества в том, что касается важнейшего его атрибута – естественной вербальной коммуникации. Среди вероятных рисков называют стремительное формирование на базе единого глобального кода некоего «языка элиты» и окончательный переход к нему с сопутствующей, такой же быстрой детериоризацией и отвержением иных естественных языков, включая отказ от необходимости их практического освоения, употребления и научного познания; утрату консервативно-устойчивого комплекса феноменов, которые складываются в уникальную картину национально-культурной идентичности на фоне общей, весьма размытой в своей неопределенности и изменчивости интернациональной панорамы; в конечном счете – сегрегацию глобального сообщества по признаку владения «выделенным» языком как первым, родным, или как вторым, иностранным (подробнее об этом см., например, в книгах известного британского социолингвиста Дэвида Крестала *Language Death, 2000*, и *English as a Global Language, 2003*). Вопреки сказанному, существование в мировом коммуникативном пространстве глобального языка и выдвигание на его роль именно английского оспаривать невозможно и непродуктивно. Эта мысль и послужила отправной точкой для фундаментального, нетривиального по осуществленным в нем подходам, логичного по построению труда хабаровского ученого-англиста.

Заметим, что изучением языковых контактов и, конкретно, современного состояния двух контактирующих языков, русского и английского, Н.Г. Юзефович занимается достаточно давно. В 2006 г. вышла ее книга «Русскоязычная политическая лексика советского периода в английском языке» (Хабаровск, изд-во ДВГГУ), в 2011 г. монография «Лексика русского политического дискурса в лингвокультурном пространстве английского языка» (Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing). Но в последней, рецензируемой нами книге, найденное ею направление окончательно терминологически определено как *политическая интерлингвокультурология*. Ее определение выглядит так: междисциплинарная область знаний, где политический дискурс исследуется в интерлингвокультур-

ной парадигме, в соответствии с которой язык общения служит средством этнической идентификации «чужой» лингвокультуры.

В соответствии с логикой познания предмета исследования автор строит первую главу («Русская лингвокультура в политическом дискурсе») таким образом, что в ней сначала рассматриваются феномены, связанные с базовым понятием лингвокультуры: концептосфера, языковая картина мира, языковая личность. По мере развития тезиса о множественности культур, нежестко «замкнутых» на национальные языки, в тексте работы возникает требуемая конкретика, при которой автор сосредоточивает внимание на концептосфере и языковой картине политического мира только одной, русской лингвокультуры. И здесь речь неизбежно заходит о двуязычии как непреложном условии существования любой лингвокультуры в начале XXI в., русской не в последнюю очередь. «Глобализация обуславливает развитие билингвизма, общение без переводчика оправдано экономией времени, финансов и пр. Билингвизм предполагает осознание того, как родной язык отражает картину окружающего мира и как мир отражается другим языком, что при этом происходит: восприятие новой ментальности или выражение своей родной картины мира средствами другого языка? Эффективность межкультурной коммуникации определяется тем, могут ли участники общения проникнуть в мир другого языка» (с. 17 – 18).

Глава вторая («Интерлингвокультура: глобальный английский, языковая личность, картина мира») отталкивается от аксиоматичного утверждения о победе английского языка, выдвигание которого на роль посредника глобального общения обусловлено его политической, экономической активностью на мировой арене, коммуникативными возможностями, относительной доступностью, функциональностью, историей формирования (с. 58). Авторская рефлексия развивается по меньшей мере в двух взаимосвязанных познавательных направлениях. Это развернутая (в то же время ограниченная рамками однотомного типографского издания) характеристика и анализ лингвокультурного пространства английского языка. И это обзор и лингвистическая оценка англоязычной репрезентации политического лексикона. В данном разделе монографии рассматриваются разноаспектные специфики ксенонима как знака вторичной лингвокультурной номинации и как средства идентификации заявленной в нем (точнее, им) инолингвокультуры (*tovarishch*, *babushka*, *datcha* и мн. др.). Англоязычный ксеноним в работе отделяется от этимона – инолингвокультурного знака первичной номинации, корреляция которого с соответствующими русскоязычными знаками возможна только при их обратном переводе на русский язык, т.е., в отличие от ксенонима, не «вшита» в его внутреннюю форму. Это, например, *White Russian* (белогвардеец), *Decembrist* (декабрист), *Old Believer* (старовер), *Bear State* (о России, с пейоративным оттенком значения) и проч.

Далее автор рассуждает о политической эвфемизации – дисфемизации как идеологических вариантах, посредством которых взаимодействуют второй язык и родная лингвокультура в контексте требований политкорректности; о концептуальной энантиосемии и связанных с нею проблемах перевода; об интерлингвокультурном тексте и интерлингвокультурном произведении как особом формате знания; об актуализации субстрата в пределах корреляций «родной язык и инолингвокультура» и «второй язык и родная лингвокультура». Авторские умозаключения, в большинстве случаев достаточно оригинальные и свежие, подкреплены требуемым количеством убедительных примеров и иллюстраций из словарей и текстов, созданных на английском языке как англоязычными авторами, так и русскими писателями-эмигрантами.

Помимо прочих достоинств этого раздела отметим его высокую информативность, особенно заметную, например, в параграфе «Биография английского языка», в частности, в его фрагменте о «внешней» и «внутренней» истории современного английского; в описании и оценке концепции «трех кругов» Брайса Качру (Braj Kachru) и его последователей; в комментировании учения Дженнифер Дженкинс (Jennifer Jenkins) об английском как *lingua franca*.

В третьей, заключительной главе работы акцент перемещается на проблематику лексикографирования интерлингвокультурной картины мира. При этом автор последовательно уделяет внимание общим характеристикам отечественной и зарубежной лексикографии, кодификации ксенонимов, ксенонимам-универсалиям, прецедентным ксенонимам, специальным и специализированным ксенонимам, интерлингвокультурному двуязычному словарю как лексикографическому продукту, составленному с опорой на принцип кодификационной системности.

(Здесь автор рецензии с удовольствием отмечает несомненную справедливость и пользу высказываемых Н.Г. Юзefович идей о крайней необходимости реформирования отечественной двуязычной лексикографии, поскольку сам долгое время вынужден был пользоваться справочными изданиями типа Русско-английского словаря общественно-политической лексики 1987 г., демонстрирующими целый набор самых разнообразных межъязыковых несоответствий, ошибок, несоответствий.)

В заключении к монографии Н.Г. Юзefович формулирует важнейшие выводы исследования, особо подчеркивая ценность предельно трезвого взгляда на сложившееся положение вещей. «Наша лингвокультура, – пишет она, – в интерлингвокультурной парадигме представлена через призму “чужого” для нее языка. Российская лингвокультура с позиции английского языка – это инолингвокультура, соответственно, выбор языковых средств определяется точками соприкосновения контактирующих лингвокультур, отношением к нашей стране, стереотипами, идеологическими установками общества, писателя, издательства и языковой нормой. Наиболее значимую роль играет автор: его идеологическая позиция, уровень билингвальной компетенции <...>, фоновые знания <...>, что отражается и в формировании прецедентной информации о России» (с. 226).

К сожалению, мы не обнаружили в этой интересной, своевременной и полезной книге значимого прогностического компонента, который, с учетом масштабности проделанного исследования и успешности в решении поставленных в нем задач, был бы более чем уместен. Впрочем, высказанная мысль не должна восприниматься как упрек автору, но как указание на одну из возможных перспектив дальнейшей работы над избранной темой, – работы, которая, конечно, будет продолжена на еще более высоком теоретическом уровне с опорой на уже имеющиеся у автора достижения и открытия, а также на новый и новейший эмпирический материал.

С.Г. Николаев